

Пражский рыцарь

Прислонясь к пятнадцатому веку,
Мы — туристы — выглядим нелепо.
Пражский рыцарь, стерегущий реку, —
Брат Марины, улетевшей в небо, —

Обнаживший меч не ради битвы —
Ради мира в этом старом граде, —
Подскажите нам слова молитвы,
Бога ради!

Покажите, где живая рана
Горячит под мертвою водою!
Зла в себе не держит злата Прага
И врачует строгой красотой.

Мы спешим послушною оравой
Вслед за гидом. Промедленье — роскошь.
И гудит над медленною Влтавой
Карлов мост Ваш.

Рыцарь Брунсвик — одинокий воин
В стороне от мира и от Праги, —
Он свободен, светел и спокоен,
Как Марина над листком бумаги.

Может быть, в осенней круговерти
Не сберечь и этого листочка.
Может быть, всей жизни после смерти —
Только строчка...

Объектив освобожден от кофра,
Субъективен к цвету черный камень,
Увлеченно щелкает фотограф,
А у нас — как бездна под ногами!

К Староместской площади мы вышли
Чуть другими — странная картина.
А с небес на нас глядел Всевышний —
И Марина.

Колокольное дерево

Как отрежется все то, что отмерено, —
Припаркуется машина к обочине.
Там растет на склоне старое дерево.
Вместо листьев у него — колокольчики.

Забредет ли в те края чудо-облако,
Дунет ветер — не беда, мол, что листьев нет, —
На вершине закачается колокол,
Что постарше остальных, побасистее.

Загудит-заговорит медь зеленая,
Золотые колокольца ответят ей, —
И взвывается к небу песнь перелетная,
Словно стая певчих птиц, из густых ветвей.

Бродит осень по дорогам растерянно,
Тучи тянутся по небу тяжелые,
Задевают колокольное дерево,
Обрывают колокольчики желтые.

И летят они с ветвей, словно с глаз долой.
Но идущий по дождю, аки посуху,
Подберет их пешеход, оботрет полкой
Да приладит к почерневшему посоху.

А когда устанет по свету Божьему
Ковылять да с ветром силами мериться,
Он поставит посох в пыль придорожную.
Может, пустит корни новое деревце?..

За облака

Что бы ни пел и что б ни говорил я —
Ответа нет, ветра со всех сторон.
За облака уходит эскадрилья,
За горизонт уходит эскадрон.

Там все не так, там нет ни тьмы, ни смерти,
Там живы все, кого любили мы.

А здесь — обратный адрес на конверте
Да на столе — настой из белены...

Что будет завтра, если будет завтра?
Какой мажорный прозвучит аккорд?
За океан ушла моя эскадра,
За ней умчался чаячий эскорт.

Герои в бронзе, руки их — в железе.
Уходит жизнь с листа черновика.
И если здесь не слышат наших песен,
Есть выход: петь туда — за облака.

Когда-нибудь умолкнет говорильня,
Фальшивый блеск уже не ослепит.
И вот тогда вернется эскадрилья
И эскадрон проскачет по степи.

Как мы шумели! Как звала дорога!
Как не умели говорить «прости»!..
А песен было, в сущности, немного:
Если собрать — уместятся в горсти.

Погостили — и в путь обратный.
В жизни все до предела просто:
Вход свободный, а выход платный.
Дело только в цене вопроса.

Сколько света ты в песню вложишь —
Столько ей и бродить по свету.
Если выпало жить без кожи —
Не надейся скопить монету.

Дело в шляпе — и не иначе.
Больше этого — не по чину.
Верь судьбе, доверяй удаче
И ни в чем не ищи причину

Уклониться, не удержаться,
Отступить за пределы ринга.
Если нет на победу шанса —
Не сворачивай поединка,

На канатах на миг провисни —
И вперед, будь они неладны,
Все невзгоды! Ведь в этой жизни
Вход свободный, а выход — платный.

Время последних песен

1

Не все, что поется, — поется вслух,
Не все продается влет.
Ты выйдешь из дома, — а воздух сух,
На лужицах — первый лед.
На листьях вчерашнего сентября —
Серебряный холодок.
Здесь даже ошибочный шаг — не зря.
Ошибка — наука впрок.

2

Время последних песен, гложущего металла...
Выше себя не прыгнешь. Надо итожить путь.
Сколько ты шел к вершине — ближе она не стала,
Но повернуть обратно — думать о том забудь.

Время последних песен. Нет никакого дела
Ни у тебя к тусовке, ни у нее — к тебе.
Ты дошагал, допелся до своего предела.
Дальше попробуй молча вторить своей судьбе.

Стих, как топор, за пояс. Музыку — в рукавицу.
Горло шарфом потуже — наглухо — затяни
И театральной рампы перешагни границу.
Чтобы не ослепили злые ее огни!

Ты же теперь свободен, этим и интересен
Листьям, летящим с веток, птицам и облакам.
С осенью наступает время последних песен.
Их напевает ветер, вторя твоим шагам.

Слишком остро, конечно же, все это слишком остро —
Белизна снеговых широт, синева высот...
Мы с тобой полетим на какой-нибудь дальний остров,
Где нет сотовой связи, где вязью пчелиных сот

Разукрашено солнце — смешнучее, в конопушках,
Где подернута влагой старинных дубов кора,
Где из форта над гаванью в полдень стреляет пушка,
А к полуночи входит в гавань большой корабль.

Это лето, конечно же, все это — наше лето.
Это мы предьявляем разлукам закрытый счет.
Слишком много зеленых листьев, тепла и света
Никогда не бывает. Все время — еще, еще!

Ночь в окошках небесных уже зажигает свечи.
Ни о чем не жалеть — это все для себя решить.
Слишком просто шагнуть синеве и ветрам навстречу
И остаться на краешке мира, и просто жить.

По ком на родине звонят колокола —
Морские рынды затонувших кораблей?
Душа застирана от соли добела, —
Не разглядеть полоски темные на ней.

Как чайка белая, над городом парит
И растворяется в тумане навсегда.
Прощай-прощай от Эгершельда до Зари, —
Погода летная, соленая вода...

Прощай-прощай, наш музыкальный чердачок —
Шкатулка с песнями, окошко на залив.
Оплачен гамбургский, но не кабацкий счет.
Уходим, ни гроша с собой не захватив.

Мигают бакены созвездьями в ночи,
Мерцают свечи в кельях маленьких кают.
О ком-то близком в небе колокол молчит.
О ком-то дальнем склянки на море поют.

